
ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 128–135.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026; (5(511)):128-135.

Научная статья

УДК 81>25

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-128-135

КОРАНИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ПРОЗЕ МАХМУДА ДАРВИША И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕДАЧИ В АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Фарида Гаязовна Исмагилова¹, Сергей Владиславович Мельник²

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; Болгарская исламская академия, г. Болгар, Россия, gfgismagilova@mail.ru, 0009-0007-6643-7351

² Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва, Россия, melnik.s.vl@ya.ru, 0000-0002-1491-7624

Аннотация. В статье рассматриваются коранические аллюзии в прозе палестинского поэта и писателя Махмуда Дарвиша на материале произведений *Journal of an Ordinary Grief* и *In the Presence of Absence*. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной гуманитарной науки к проблемам интертекстуальности, а также к особенностям функционирования религиозного дискурса в художественной литературе и его передаче в переводе. Особое значение данная проблематика приобретает в контексте изучения арабской литературы, в которой коранический текст выступает важным источником художественных образов, символов и риторических моделей. Коранические мотивы и образы активно используются в произведениях современных арабских авторов, формируя особый тип религиозно-культурного интертекста. Цель исследования заключается в выявлении основных типов коранических аллюзий в прозе Махмуда Дарвиша и анализе способов их передачи в английском переводе. Материалом исследования послужили фрагменты арабских оригиналов указанных произведений и их английские переводы, выполненные Ибрахимом Мухави и Синаном Антуном. Методологическую основу работы составляют интертекстуальный, лингвокультурологический и сравнительно-сопоставительный методы анализа, а также положения современной теории художественного перевода. Результаты исследования показывают, что коранический интертекст в прозе Дарвиша реализуется на нескольких уровнях художественного текста: лексическом, стилистическом и символическом. В английском переводе данные элементы передаются преимущественно посредством стратегии эквивалентного перевода, однако в ряде случаев наблюдается частичная нейтрализация религиозных и культурных коннотаций исходного текста. Сделан вывод о том, что перевод коранических аллюзий представляет собой сложный процесс межкультурной интерпретации, требующий учета религиозного, культурного и исторического контекста произведения.

Ключевые слова: Махмуд Дарвиш, коранические аллюзии, интертекстуальность, художественный перевод, арабская литература, перевод религиозных текстов

Для цитирования: Исмагилова Ф. Г., Мельник С. В. Коранические аллюзии в прозе Махмуда Дарвиша и особенности их передачи в английском переводе // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 128–135. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-128-135

Original article

QUR'ANIC ALLUSIONS IN THE PROSE OF MAHMOUD DARWISH AND THEIR RENDERING IN ENGLISH TRANSLATION

Farida G. Ismagilova¹, Sergey V. Melnik²

¹ Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; Bolgar Islamic Academy, Bolgar, Russia, gfgismagilova@mail.ru, 0009-0007-6643-7351

² Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, melnik.s.vl@ya.ru, 0000-0002-1491-7624

Abstract. The article examines Qur'anic allusions in the prose of the Palestinian poet and writer Mahmoud Darwish based on the works *Journal of an Ordinary Grief* and *In the Presence of Absence*. The relevance of the study is determined by the growing interest of contemporary humanities in the problems of intertextuality and in the functioning of religious discourse in literary texts and its rendering in translation. This issue is particularly significant in the context of Arabic literature, where the Qur'anic text has had a considerable influence on the development of literary imagery and rhetorical structures. The aim of the research is to identify the main types of Qur'anic allusions in Mahmoud Darwish's prose and to analyze the ways in which these elements are rendered in English translation. The material of the study includes fragments of the Arabic originals of the selected works and their English translations produced by Ibrahim Muhawi and Sinan Antoon. The methodological framework of the research combines intertextual, linguocultural, and comparative approaches together with the principles of modern translation studies. The results demonstrate that Qur'anic intertext in Darwish's prose is realized at several levels of the literary text, including lexical, stylistic, and symbolic ones. In English translation these elements are mainly conveyed through equivalent translation, although in some cases partial neutralization of religious and cultural connotations can be observed. The study concludes that the translation of Qur'anic allusions represents a complex process of intercultural interpretation requiring consideration of the cultural and religious context of the literary work.

Keywords: Mahmoud Darwish, Qur'anic allusions, intertextuality, literary translation, Arabic literature, translation of religious texts

For citation: Ismagilova FG, Melnik SV. Qur'anic Allusions in the Prose of Mahmoud Darwish and Their Rendering in English Translation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(5(511)):128-135. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-128-135

Введение

Коранические аллюзии занимают важное место в прозе палестинского поэта и писателя Махмуда Дарвиша, выступая значимым средством формирования художественного и культурного интертекста. На материале произведений *Journal of an Ordinary Grief* и *In the Presence of Absence* можно проследить, каким образом коранические мотивы, образы и риторические модели функционируют в авторском тексте и какие трудности возникают при их передаче в английском переводе.

Выбор данных произведений не случаен. Более ранний текст *Journal of an Ordinary Grief* (1970-е гг.) отражает этап формирования художественной и мировоззренческой системы Дарвиша и характеризуется высокой степенью политической и культурной рефлексии, связанной с опытом изгнания и утраты родины. В этих текстах концепт РОДИНА тесно связан с образами земли, памяти и коллективной идентичности, что создаёт богатый материал для анализа лексико-семантических и интертекстуальных средств.

Более позднее произведение *In the Presence of Absence* (2006) представляет собой философско-лирическую прозу, в которой автор обращается к проблемам памяти, самоидентификации и культурного наследия. Текст отличается высокой степенью интертекстуальности и включает многочисленные отсылки к религиозной, поэтической и культурной традиции арабского мира, включая коранические аллюзии и символику арабского языка. Сопоставительный анализ раннего и позднего произведений позволяет выявить особенности функционирования религиозно-культурного интертекста в прозе Дарвиша, а также проследить способы его передачи в английском переводе.

Большинство исследователей рассматривают перевод как систему межъязыковых соответствий и преобразований, поддающихся описанию на уровнях лексики, грамматики и синтаксиса (Р. Якобсон, Дж. Кэтфорд; в русскоязычной традиции — Я. И. Рецкер, А. В. Фёдоров, Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров). В рамках

данного направления центральными являются категории эквивалентности, переводческих соответствий и трансформаций.

Так, Я. И. Рецкер описывает перевод как процесс выбора закономерных межъязыковых соответствий и вводит понятие эквивалентов как устойчивых соответствий [10, с. 10]. При этом автор выделяет варианты соответствия, выбор которых определяется контекстом [10, с. 14], а при отсутствии прямых соответствий существенную роль играют лексико-семантические преобразования [10, с. 39].

Л. С. Бархударов трактует перевод как межъязыковую трансформацию при сохранении инвариантного содержания и подчёркивает, что предметом лингвистической теории перевода выступают закономерности таких преобразований [1, с. 29]. В качестве базовой классификации переводческих преобразований автор выделяет перестановки, замены, добавления и опущения [1, с. 191–226].

Дальнейшую детализацию переводческих приёмов предлагает В. Н. Комиссаров, выделяющий такие процедуры, как транскрипция и транслитерация, калькирование, лексико-семантические замены, синтаксическое уподобление, членение и объединение предложений, грамматические замены, антонимический перевод, экспликация и компенсация [5, с. 208–225].

Для настоящего исследования лингвистическая перспектива методологически значима как основа сопоставительного анализа: она позволяет фиксировать способы передачи религиозно-культурных элементов текста и описывать переводческие решения при передаче коранических аллюзий в художественном переводе.

Важным теоретическим уточнением для анализа переводческих решений служит позиция М. Baker, последовательно показывающей, что ключевая для переводоведения категория эквивалентности не должна пониматься как абсолютная мера соответствия. Автор подчёркивает, что термин *equivalence* используется «for the sake of convenience», будучи привычным для переводческой практики, однако не обладая статусом строгой универсальной теоретической категории [13, с. 5]. Эквивалентность в переводе мыслится как относительная и зависит от различных лингвистических и культурных факторов, вследствие чего она «is therefore always relative» [13, с. 5].

Методологически значимыми для исследования также являются положения дискурсивного подхода, представленные в работах В. Hatim и I. Mason. В их концепции перевод рассматри-

вается как коммуникативно обусловленный процесс, направленный на воспроизведение смыслового и прагматического эффекта текста в иной культурной среде. Авторы подчёркивают, что перевод не может быть сведен к механическому переносу языковых структур, поскольку он связан с интерпретацией текста в определённом дискурсивном и социокультурном контексте [14].

Когнитивно-семантический подход используется для анализа фреймовой структуры концепта РОДИНА и её трансформации в переводе (Дж. Лаккофф, М. Джонсон; Ч. Филлмор; Ю. С. Степанов; В. А. Маслова) [11; 7].

Представители лингвокультурологического и лингвострановедческого подходов рассматривают культурно маркированные значения, фоновые знания и реалии как важные факторы, влияющие на процесс перевода [15; 3; 2].

Культура понимается как особая форма знания и познания, а язык — как «механизм хранения и передачи культурной информации», в котором «заключены все когнитивные категории, лежащие в основе человеческого мышления» [12, с. 28–30].

Для анализа прозы М. Дарвиша данный подход является методологически значимым, поскольку ключевые элементы репрезентации концепта РОДИНА в его текстах связаны с культурно и религиозно маркированными образами, такими как *الأرض* (земля), *الجنة* (рай), *القدس* (Иерусалим), а также символикой арабского письма. Эти элементы формируют сложную систему культурных и религиозных ассоциаций, восходящих как к коранической традиции, так и к историко-культурному опыту Палестины. Поскольку подобные единицы обладают специфической семантической и символической нагрузкой, их передача в английском переводе требует учёта культурного контекста и использования специальных переводческих стратегий [2; 3].

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной гуманитарной науки к проблемам интертекстуальности, а также к особенностям функционирования религиозного дискурса в художественной литературе и его передаче в переводе [3]. Особое значение данная проблематика приобретает в контексте изучения арабской литературы, в которой коранический текст выступает важным источником художественных образов, символов и риторических моделей. Коранические мотивы и образы активно используются в произведениях современных арабских авторов, формируя особый тип религиозно-культурного текста [6].

В прозе Махмуда Дарвиша коранические аллюзии выполняют не только стилистическую функцию, но и выступают важным элементом формирования концепта РОДИНЫ. При этом особый интерес представляет вопрос о том, каким образом данные аллюзии передаются в переводе. Например, в тексте встречается образ утраченного рая: «*كنا نشأت إلى الجنة التي كانت هنا*»¹ («Мы тосковали по раю, который был здесь»), где РОДИНА концептуализируется как сакральное пространство.

Переводоведение как междисциплинарная область характеризуется значительным методологическим многообразием: различные научные школы по-разному определяют единицу перевода, критерии эквивалентности и факторы, влияющие на переводческое решение.

Как отмечает Ю. Н. Караулов, современная лингвистика «расширяет сферу анализа, вовлекая в него пограничные с традиционно принятыми явления — психологические, философские, этнографические, социологические» [4, с. 11]. Эта тенденция привела к антропоцентрическому повороту в языкознании, где в центре внимания находится человек, его сознание и культурный опыт.

Для исследования коранических аллюзий в арабском оригинале и английском переводе прозы М. Дарвиша существенны те подходы, которые, с одной стороны, обеспечивают сопоставительный анализ языковых средств репрезентации религиозно-культурных элементов текста, а с другой — позволяют учитывать их культурно-смысловую и прагматическую многослойность.

Цель настоящего исследования — выявить основные типы коранических аллюзий в прозе Махмуда Дарвиша и определить особенности их передачи в английском переводе.

Научная новизна исследования заключается в систематизации коранических аллюзий в прозе М. Дарвиша и их классификации по уровням художественного текста (лексическому, стилистическому и символическому) в сопоставлении с английским переводом. В работе также выявлены переводческие стратегии передачи религиозно-культурных элементов текста и показаны случаи частичной нейтрализации их символических коннотаций в переводе. Работа также вносит вклад в изучение механизмов передачи религиозно-культурных элементов художественного текста в условиях межкультурной коммуникации.

¹ Darwish M. *Yawmiyyāt al-ḥuzn al-‘ādī*. Beirut: Dār al-‘Awda, 1973.
(1973. درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. بيروت: دار العودة،)

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили фрагменты арабского оригинала прозаических произведений Махмуда Дарвиша, вошедших в сборник *Journal of an Ordinary Grief*, а также их английский перевод, выполненный Ibrahim Muhawi. В качестве дополнительного корпуса был привлечён более поздний прозаический текст автора — *In the Presence of Absence*, переведённый на английский язык Sinan Antoon.

В настоящем исследовании используется комплексная методика анализа, объединяющая положения лингвистической теории перевода, когнитивно-семантического и дискурсивного подходов. Это позволяет рассматривать перевод коранических аллюзий в прозе М. Дарвиша как процесс межъязыковой и межкультурной интерпретации, в котором взаимодействуют языковые, культурные и прагматические факторы.

Для анализа были отобраны фрагменты текста, содержащие религиозно-культурные элементы, которые могут рассматриваться как интертекстуальные отсылки к кораническому дискурсу. Высокая степень интертекстуальности проявляется, в частности, в использовании религиозно маркированных образов, например, «*الأرض كانت تعرف أسماءنا*»² («Земля знала наши имена»), где земля выступает как носитель коллективной памяти и символ связи человека с пространством РОДИНЫ. К таким элементам относятся религиозно маркированная лексика, символические образы, а также стилистические конструкции, напоминающие риторику коранического текста.

В исследовании применяются следующие методы:

- интертекстуальный анализ;
- лингвокультурологический анализ;
- сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и перевода;
- переводоведческий анализ.

Данные методы позволяют рассмотреть коранические аллюзии как важный компонент художественной структуры текста и определить способы их передачи в переводе.

Результаты исследования и их обсуждение

В современных исследованиях отмечается, что межрелигиозное взаимодействие может выражаться в различных видах — от полемического обсуждения религиозных воззрений до укрепления согласия, сотрудничества (в гуманитарной,

² Darwish M. *Yawmiyyāt al-ḥuzn al-‘ādī*. Beirut: Dār al-‘Awda, 1973.
(1973. درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. بيروت: دار العودة،)

социальной, экологической сферах) и диалога, направленного на взаимное понимание мировоззренческих установок и культурных ценностей [8]. Классическая философская концепция единства истины, блага и красоты позволяет рассматривать формы межрелигиозного диалога через призму трех этих фундаментальных категорий. Красота слова и образа позволяет увидеть духовное богатство иной традиции, а тема родины — найти точки соприкосновения, объединяющие людей разных вероисповеданий; таким образом, эстетическое переживание «чужого» текста обеспечивает «мягкую» интеграцию в культурный контекст другого [9]. В художественной литературе подобная стратегия может проявляться через использование религиозного интертекста.

Одной из распространённых форм коранического интертекста в прозе Махмуда Дарвиша является использование религиозно маркированной лексики. Ярким примером стилистической коранической аллюзии является использование ритмической формулы из суры «Ар-Рахман», известной повторением стиха «فَبِأَيِّ آلَاءِ رَبِّكُمَا تُكَذِّبَانِ» («Какое же из благ Господа вашего вы считаете ложным?»), который повторяется в суре 31 раз. В тексте Дарвиша данная формула подвергается художественной трансформации и включается в авторский контекст:

وأنت، وحاضران أنا وأنت، وغائبان / فَبِأَيِّ آلَاءِ رَبِّكُمَا تُكَذِّبَانِ
 1 «فَبِأَيِّ آلَاءِ رَبِّكُمَا تُكَذِّبَانِ / وغائبان أنا

В английском переводе данный фрагмент передаётся следующим образом:

“Then which of the blessings of your Lord will you both deny / absent as we are, you and me, and present as we are, you and me, and absent / then which of the blessings of your Lord will you both deny”². Перевод: «Тогда какое из благ вашего Господа вы оба отвергаете? / отсутствуем мы — ты и я, и присутствуем мы — ты и я, и отсутствуем / тогда какое из благ вашего Господа вы оба отвергаете?»

Использование данной формулы демонстрирует интертекстуальную связь прозы Дарвиша с кораническим дискурсом и воспроизводит характерную для Корана риторическую структуру повторения. Повтор выступает не только стилистическим приёмом, но и средством усиления философского содержания текста, связывая

¹ Darwish M. *Yawmiyyāt al-ḥuzn al-‘ādī*. Beirut: Dār al-‘Awda, 1973.

(1973. درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. بيروت: دار العودة،)

² Darwish M. *Journal of an Ordinary Grief*. Translated from Arabic by I. Muhawi. New York: Archipelago Books, 2010.

тему человеческого существования с идеей божественного дара и ответственности. В данном контексте кораническая аллюзия способствует формированию символического измерения концепта РОДИНА, поскольку сакральный дискурс используется для осмысления опыта утраты, памяти и духовной связи человека с родной землёй.

С точки зрения перевода наблюдается стремление к сохранению ритмико-синтаксической структуры оригинала посредством эквивалентного перевода, однако частично утрачивается культурно-религиозная ассоциативность, очевидная для носителя арабского языка.

В арабской литературной традиции подобные единицы обладают устойчивыми культурными и религиозными коннотациями. К числу таких лексем относится **الأرض** («земля»), которая в кораническом и художественном дискурсе может обозначать как физическое пространство, так и символ родной земли. В сборнике *Journal of an Ordinary Grief* (يوميات الحزن العادي) данная лексема нередко используется для обозначения родной территории и пространства национальной принадлежности. Так, в одном из фрагментов встречается выражение: **حدود تفصل أرض غربتك ولجؤك عن أرض وطنك** — “A border separates the land of your exile and refuge from the land of your homeland” («Граница отделяет землю твоего изгнания и твоего беженства от земли твоей родины»).^{3, 4} В данном контексте лексема **أرض** обозначает родную территорию, противопоставленную пространству изгнания; в английском переводе она передаётся словом *land*, сохраняющим базовое значение исходной единицы. Другой пример: **حين تراهم يحرثون أرضك** — “when you see them plowing your land” («когда ты видишь, как они пахут твою землю»),^{5, 6} где форма **أرضك** («твоя земля») актуализирует идею принадлежности и связи человека с родной территорией; в переводе также используется прямое соответствие *land*. Ещё один пример:

³ Darwish M. *Journal of an Ordinary Grief*. Translated from Arabic by I. Muhawi. New York: Archipelago Books, 2010.

⁴ Darwish M. *Yawmiyyāt al-ḥuzn al-‘ādī*. Beirut: Dār al-‘Awda, 1973.

(1973. درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. بيروت: دار العودة،)

⁵ Darwish M. *Journal of an Ordinary Grief*. Translated from Arabic by I. Muhawi. New York: Archipelago Books, 2010.

⁶ Darwish M. *Yawmiyyāt al-ḥuzn al-‘ādī*. Beirut: Dār al-‘Awda, 1973.

(1973. درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. بيروت: دار العودة،)

المهم ألا تعطش الأرض — “what matters is that the land should not go thirsty” («главное, чтобы земля не испытывала жажды»)^{1, 2} где лексема الأرض приобретает метафорическое значение и персонифицируется, усиливая эмоционально-символическое звучание образа родной земли. Лексема الأرض активно функционирует и в более позднем произведении Дарвиша *In the Presence of Absence* («В присутствии отсутствия»). Так, в одном из фрагментов встречается описание الأرض تطير وترقص — “the earth flies and dances” («земля летит и танцует»)^{3, 4} а в другом эпизоде: ...يسقط مذنب على الأرض... — “...the fall of a comet on earth...” («...падение кометы на землю...»)^{5, 6}.

В арабской религиозной традиции арабские буквы обладают дополнительной сакральной коннотацией, поскольку именно ею начинается ряд сур. Например, кораническая сура القلم — «Нун. Клянусь пером и тем, что они едят», Коран 68:1). В тексте Дарвиша она интерпретируется как источник ритма и поэтического звучания: “the rhythm spurred on by the letter Nūn takes you into a white night” («ритм, движимый буквой нун, уносит тебя в белую ночь»)^{7, 8}.

В том же контексте появляется религиозно маркированная лексема الرحمن (al-Raḥmān) — одно из коранических имён Бога: «الرحمن يقودك إلى الإيمان مصحوباً بالنشوة» — “al-Raḥmān will take you to faith accompanied by

ecstasy” («ар-Рахман приведёт тебя к вере, сопровождаемой экстазом»)^{9, 10}.

Особенностью английского перевода данных фрагментов является преимущественно буквальная передача синтаксической структуры и лексического значения исходных предложений. Однако подобная стратегия не в полной мере воспроизводит символический аспект, связанный с визуальной формой арабских букв. Для читателя, не знакомого с графикой арабского письма, трудно уловить ассоциативные образы, возникающие из начертания букв ت و ن, которые в оригинале выступают важным элементом поэтической символики текста. В связи с этим переводчик С. Антон сопровождает соответствующие фрагменты развернутыми пояснениями в примечаниях (endnotes), где объясняет графическую форму букв арабского алфавита, их положение в слове и культурно-семиотические коннотации. Подобный переводческий приём можно рассматривать как форму экспликативного комментария, направленного на компенсацию культурно-обусловленных смыслов оригинала и облегчение их интерпретации для англоязычного читателя.

В прозе Махмуда Дарвиша присутствуют не только лексические, но и **жанрово-стилистические коранические аллюзии**, связанные с имитацией структуры и риторики коранического текста. Одним из наиболее показательных примеров является рассказ «Импровизация на суру Иерусалима» (*Improvisations on the Sura of Jerusalem*).

Само название произведения отсылает к коранической традиции: автор использует термин «сура», обозначающий главу Корана, тем самым стилизуя текст под форму священного откровения. При этом в Коране не существует суры, посвящённой Иерусалиму, что подчёркивает художественный и символический характер данного приёма. Тем не менее образ Иерусалима в исламской традиции связан с кораническим текстом.

В произведении Дарвиша использование формы «суры» придаёт повествованию торжественную и пророческую интонацию, характерную для коранического дискурса. Показательно, что уже начальные строки рассказа воспроизводят стилистику сакрального текста и включают

¹ Darwish M. *Journal of an Ordinary Grief*. Translated from Arabic by I. Muhawi. New York: Archipelago Books, 2010.

² Darwish M. *Yawmiyyāt al-ḥuzn al-‘ādī*. Beirut: Dār al-‘Awda, 1973. (1973. درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. بيروت: دار العودة،)

³ Darwish M. *In the Presence of Absence*. Translated from Arabic by S. Antoon. New York: Archipelago Books, 2011.

⁴ Darwish M. *Fī ḥaḍrat al-ghiyāb*. Beirut: Riyāḍ al-Rayyis li-l-Kutub wa-l-Nashr, 2006. (2006. درويش، محمود. في حضرة الغياب. بيروت: رياض الريس للكتب والنشر،)

⁵ Darwish M. *In the Presence of Absence*. Translated from Arabic by S. Antoon. New York: Archipelago Books, 2011.

⁶ Darwish M. *Fī ḥaḍrat al-ghiyāb*. Beirut: Riyāḍ al-Rayyis li-l-Kutub wa-l-Nashr, 2006. (2006. درويش، محمود. في حضرة الغياب. بيروت: رياض الريس للكتب والنشر،)

⁷ Darwish M. *Fī ḥaḍrat al-ghiyāb*. Beirut: Riyāḍ al-Rayyis li-l-Kutub wa-l-Nashr, 2006. (2006. درويش، محمود. في حضرة الغياب. بيروت: رياض الريس للكتب والنشر،)

⁸ Darwish M. *In the Presence of Absence*. Translated from Arabic by S. Antoon. New York: Archipelago Books, 2011.

⁹ Darwish M. *Fī ḥaḍrat al-ghiyāb*. Beirut: Riyāḍ al-Rayyis li-l-Kutub wa-l-Nashr, 2006. (2006. درويش، محمود. في حضرة الغياب. بيروت: رياض الريس للكتب والنشر،)

¹⁰ Darwish M. *In the Presence of Absence*. Translated from Arabic by S. Antoon. New York: Archipelago Books, 2011.

религиозный интертекст. В арабском оригинале произведение начинается следующими словами:

اليوم عُلق على خشبة من علق الأرض على المياه¹

что восходит к христианскому литургическому тексту, используемому в богослужении Великой пятницы:

«Сегодня распят на древе Тот, кто повесил землю на водах».

Далее автор продолжает:

اليوم تبكون على أورشليم، وأورشليم لا تبكي على أحد²

«Сегодня вы плачете о Иерусалиме, но Иерусалим не плачет ни о ком».

В английском переводе Ибрагима Мухави данные строки передаются близко к оригиналу:

“Today as hung on a piece of wood he who hung the earth upon the waters... Today you are all crying over Jerusalem, and Jerusalem does not cry for anyone.”³

Переводчик сопровождает данный фрагмент

¹ Darwish M. *Yawmiyyāt al-ḥuzn al-‘ādī*. Beirut: Dār al-‘Awda, 1973.

(1973. درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. بيروت: دار العودة،)

² Darwish M. *Yawmiyyāt al-ḥuzn al-‘ādī*. Beirut: Dār al-‘Awda, 1973.

(1973. درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. بيروت: دار العودة،)

³ Darwish M. *Journal of an Ordinary Grief*. Translated from Arabic by I. Muhawi. New York: Archipelago Books, 2010.

пояснительным комментарием, указывая, что Дарвиш использует начало христианского песнопения византийской традиции, а также аллюзию на слова Христа из Евангелия от Луки (23:28): «Дочери Иерусалима, не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших». Таким образом, текст объединяет исламский и библейский интертекст, формируя образ Иерусалима как универсального сакрального пространства. Использование жанровой формы «суры» усиливает пророческую интонацию повествования и подчеркивает связь художественного текста с религиозной традицией.

Результаты исследования показывают, что коранический интертекст в прозе Дарвиша реализуется на нескольких уровнях художественного текста: лексическом, стилистическом и символическом. В английском переводе данные элементы передаются преимущественно посредством стратегии эквивалентного перевода, однако в ряде случаев наблюдается частичная нейтрализация религиозных и культурных коннотаций исходного текста. Сделан вывод о том, что перевод коранических аллюзий представляет собой сложный процесс межкультурной интерпретации, требующий учета религиозного, культурного и исторического контекста произведения.

Список источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М. : Высшая школа, 1981. 224 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М. : Международные отношения, 1980. 343 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высшая школа, 1990. 253 с.
6. Лункин Р. Н., Мельник С. В. Межрелигиозный диалог: актуальное значение, типология и особенности постсоветского пространства // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2 (12). С. 52–65. DOI 10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65. EDN VKERJR.
7. Маслова В. А. Языковая картина мира и её связь с концептуальными структурами. М. : Наука, 2001. 230 с.
8. Мельник, С. В. Понятие межрелигиозного диалога в академическом и общественно-политическом пространстве: некоторые актуальные проблемы интерпретации // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022а. Т. 8, № 1. С. 31–41. DOI 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-3. EDN YRQCOO.
9. Мельник С. В. Миротворческий межрелигиозный диалог: основные концептуальные подходы // Миссия конфессий. 2022б. Т. 11, № 3 (60). С. 12–22. EDN RMSXMV.
10. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М. : Международные отношения, 1974. 240 с.
11. Степанов Ю. С. Русский язык: Структура и динамика. М. : Наука, 2004. 250 с.
12. Хагба Л. Р. Базовые лингвокультурные концепты в абхазском и абазинском языках (на материале идиоматики): дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. университет, 2008. 332 с.
13. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. 2nd ed. London: Routledge, 2011. 340 p.
14. Hatim B., Mason I. Discourse and the Translator. London: Longman, 1990. 276 p.
15. Newmark P. Approaches to Translation. Oxford: Oxford University Press, 1988. 256 p.

References

1. Barkhudarov LS. Language and Translation (Problems of General and Particular Translation Theory). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1975. 240 p. [In Russ.].
2. Vereshchagin EM, Kostomarov VG. Language and Culture. Moscow: Vysshaya shkola; 1981. 224 p. [In Russ.].
3. Vlahov S, Florin S. Untranslatable in Translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1980. 343 p. [In Russ.].
4. Karaulov YuN. The Russian Language and the Linguistic Personality. 6th ed. Moscow: LKI Publishing House; 2007. 264 p. [In Russ.].
5. Komissarov VN. Theory of Translation (Linguistic Aspects). Moscow: Vysshaya shkola; 1990. 253 p. [In Russ.].
6. Lunkin RN, Melnik SV. Interreligious Dialogue: the Actual Meaning, Typology and Features of the Post-Soviet Space. *Rossiya i mir: nauchnyy dialog (Russia & World: Scientific Dialogue)*. 2024;2(12):52-65. DOI 10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65. [In Russ.].
7. Maslova VA. Language Worldview and Its Connection with Conceptual Structures. Moscow: Nauka; 2001. 230 p. [In Russ.].
8. Melnik SV. The Concept of Interreligious Dialogue in Academic and Socio-Political Space: Some Current Problems of Interpretation. *Nauchnyy rezultat. Sotsialnye i gumanitarnye issledovaniya (Research Result. Social Studies and Humanities)*. 2022;8(1):31-41. DOI 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-3. [In Russian].
9. Melnik SV. Peacemaking Interreligious Dialogue: Main Conceptual Approaches. *Missiya konfessiy (Mission of Confessions)*. 2022;11(3):12-22. [In Russ.].
10. Recker YaI. Translation Theory and Translation Practice. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1974. 240 p. [In Russ.].
11. Stepanov YuS. The Russian Language: Structure and Dynamics. Moscow: Nauka; 2004. 250 p. [In Russ.].
12. Khagba LR. Basic Linguocultural Concepts in the Abkhaz and Abaza Languages (Based on Idiomatic Expressions): Dissertation. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University; 2008. 332 p. [In Russ.].
13. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. 2nd ed. London: Routledge; 2011. 340 p.
14. Hatim B, Mason I. Discourse and the Translator. London: Longman; 1990. 276 p.
15. Newmark P. Approaches to Translation. Oxford: Oxford University Press; 1988. 256 p.

Информация об авторах

Ф. Г. Исмагилова — аспирант (Казанский (Приволжский) федеральный университет); заместитель начальника управления по науке (Болгарская исламская академия).

С. В. Мельник — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом философии; доцент Общецерковной аспирантуры и докторантуры.

Information about the authors

F. G. Ismagilova — Postgraduate Student (Kazan (Volga Region) Federal University); Deputy Head of the Research Department (Bolgat Islamic Academy).

S. V. Melnik — Dr. Sci. (Philosophy), Senior Research Fellow, Head of the Philosophy; Associate Professor at Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate Studies.

Статья поступила в редакцию 04.03.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 22.05.2026.

The article was submitted 04.03.2026; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 22.05.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.